

Край Кузнецкий «достоевский...»

Сравнительно недавно в мировое литературоведение вошло новое понятие — «кузнецкий период Достоевского». Предложено оно Мэри Крупниковой — исследовательницей, живущей в Кемерове.

— Мэри Моисеевна, напоминте, что это такое — кузнецкий период Достоевского?

— В специальной литературе ему было посвящено буквально несколько абзацев: приезжал в Кузнецк три раза из Семипалатинска, жил по несколько дней, всенчался, уехал. В первом браке (с Исаевой) был несчастлив, жена вскоре умерла от чахотки. Все!

Переписка Достоевского с Исаевой практически не сохранилась, хотя они писали друг другу до венчания целых два года — Мария Дмитриевна жила в Кузнецке, а Федор Михайлович, как бывший каторжник, — на поселении в Семипалатинске. Но сохранились письма Достоевского к одному из друзей той поры — молодому семипалатинскому прокурору Александру Врангелю (известному в будущем дипломату и путешественнику), в которых писатель подробно пересказывает все перипетии своего бурного романа.

История любовного «треугольника» — Исаева, Достоевский и его молодой соперник, 24-летний учитель рисования кузнецкого уездного училища Вергунов — интересна сама по себе как типично «достоевская», с характерным надрывом чувств, с душевными метаниями, странными, экзальтированными поступками и драматичнейшим соперничеством. Уже ведя Исаеву к алтарю, Достоевский боялся, что появится его соперник и невеста «дрогнет».

Исследуя внимательно кузнецкую драму, нельзя не поразиться: отголоски «грозного чувства», этих характеров и страстей самым роковым образом пронизали почти все его последующее творчество. Дело в том, что главная героиня кузнецкого романа Мария Исаева (на фото) была человеком, на мой взгляд, из истинно родного для Достоевского мира, что «за чертой», а Федор Михайлович ведь и про себя говорил, что «всю жизнь за черту перешел». И именно с Исаевой будущий писатель узнал эту бесценную горечь обнажения человеческой души.

— Есть ли интересная «старина» в Кузбассе?

— Как же не быть? Это партия определила считать здесь «сотворение мира» от Кузнецкстроя. Мыслимо ли: первое столетие Кузнецк праздновал еще в 1717 году, к чему был причастен сам Петр I. Сегодня о кузнецкой «старине» уже не спорят, особенно когда здесь вышла «Кузнецкая летопись», написанная еще в 1867 году местным летописцем Иваном Конюховым.

— Почему не всегда удается заинтересовать общество фактами собственной культуры и истории?

— Это беда, по-моему, регионов промышленных, созданных советской властью. Такой край по традиции всегда обывался «молодым». Аборигены отнеснялись «великими стройками» на задний план, все местное, коренное становилось отсталым, смешным и ненужным. Плюс чисто провинциальные комплексы: да разве у нас может быть что-то действительно незаурядное?

Кстати, о советском периоде. Мы сейчас работаем над живыми периода Кузнецкстрова — и об этом нам только предстоит узнать правду, порой шокирующую...

— Нужна ли она сегодня людям, такая правда? Многим «ра-

зоблечения» надоели...

— Правда и красота нужны людям всегда. Кто-то сегодня просто nostalgiert, а кто-то боится этих самых разоблачений. Мы «влезли» в газетные подшивки 20—30-х годов: там много того, что придется не по вкусу прежней номенклатуре, которая теперь «по второму кругу» пристраивается к власти — вот и боятся архивов.

Я, например, тоже боюсь: того, что архивы эти вдруг сгорят или еще что-то случится. Реваншизма в России боюсь. Пережив много трагического, наше поколение уже не избавится от комплекса тревожности. Здесь, думаю, уместно будет процитировать моего любимого «философа» — самодеятельного прокопьевского художника Ивана Егоровича Селиванова, его дневники. Всматриваясь в свою собственную картину «Старая собака», он размышляет: «Зря я ей цепь не нарисовал. Пожалел. Думаю, пусть хоть на картинке без цепи посидит. А потом увидел: такие глаза у собаки бывают, только когда на привязи, а когда она свободная, с чего ей обижаться и тужить...» Вот и мы подчас: язык-то уже свободен, а душа еще «цепь» помнит...

Тамара ЗИЛЬБЕР.
Кемеровская область.